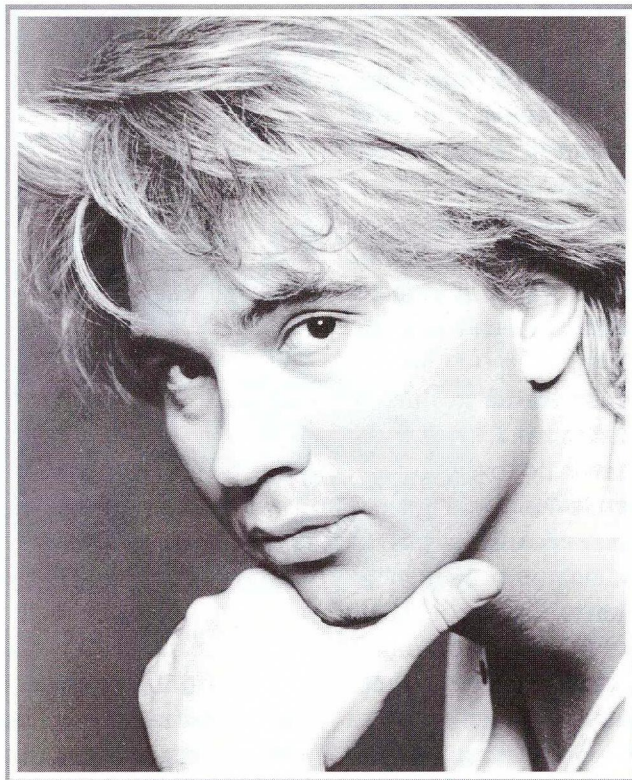

ВЕЧЕР В ДОМЕ ХВОРОСТОВСКИХ

В доме Хворостовских прямо в гостиной стоит огромное экзотическое дерево. Это Дима, когда был маленьким, посадил зернышко от лимона, а оно взяло и проросло и превратилось в вечно-зеленое дерево, лучшее украшение родительского дома.

Во время одного из приездов нашего знаменитого земляка — певца Дмитрия Хворостовского — я разговаривала по телефону с его отцом Александром Степановичем. Интонации его голоса мне показались строгими. Но когда я вдруг услышала

его пение в любительской магнитофонной записи, не смогла сдержать слез. Поразили и тронули необычайная красота и мягкий тембр его голоса и искренность исполнителя. А потом я оказалась на концерте инженера Александра Хворостовского на его родном радиозаводе. И не решилась сразу к нему подойти, хотя познакомиться, увидеть и услышать его очень хотелось.

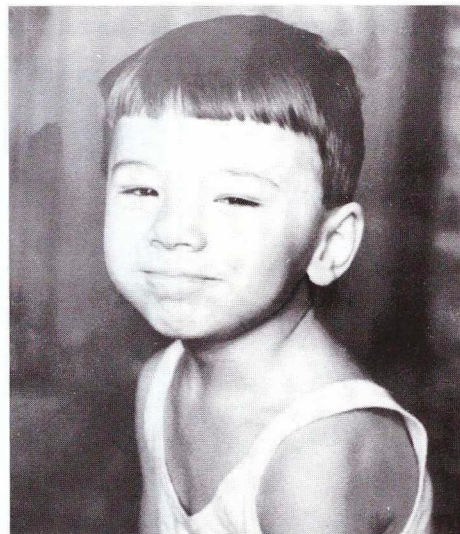
А он, узнав, что им заинтересовались репортеры, вышел к нам до начала концерта сам и протянул руку. Рука была мягкая и теплая, а взгляд его карих глаз — немного смущенный и бесконечно добрый. “А я вас узнал, — улыбнулся он. — Лет десять назад вы приходили к нам на завод, когда пели мои ученики, и все допытывались у меня — в чем счастье?”

Сидящая рядом со мной на концерте женщина, наклонившись, сказала: “А вы знаете сына его, Диму? Он очень похож на отца”.

В том, что Александр Хворостовский талантливейший певец — сомневаться не приходится. Он совсем недавно вышел на профессиональную сцену, хотя поет всю свою жизнь. Совсем маленьким начал ходить в музыкальную школу, учиться игре на фортепьяно. Но учителя постоянно менялись, и попал наконец Саша Хворостовский в руки монстра в юбке. Она отказывалась признать за ним хоть какие-то способности, изводя замечаниями и придирками. И, задыхаясь в атмосфере мелочности и несвободы, он начал тихо ненавидеть свою мучительницу. Но не музыку. Музыка стала для Александра Хворостовского вторым “я”, его любовью на всю жизнь.

И он берет частные уроки и вырастает в прекрасного пианиста, который восхищает многих и по сей день своим мягким “туше”. И он всерьез занимается вокалом. Но поступает все-таки в... технологический институт.

Потому что его интеллигентнейшие родители считали, что настоящие серьезные профессии — инженер или врач, а играть и петь можно для души. Впрочем, так думали тогда многие. Да и сам Александр, боготворя

Шалыпина и Марио Ланца, считал, что все остальные не имеют права стремиться на сцену. “Значит в характере моем не было бойца”, — скажет он позже.

О бойце не знаю, а вот терпения у него хватило бы на десятерых. Однажды, еще в институте, спеша на свидание к своей будущей жене, он поранил руку. Врач тут же обработала рану, сделав перевязку и лихо отхватив какие-то лишние веревочки, оказавшиеся, как выяснилось, сухожилием. И долгие годы потом Александр разрабатывал и разрабатывал кисть руки, понимая, что как прежде владеть инструментом уже не сможет никогда. Но это не остановило его — он ведь играет, и как играет!

Впрочем, от всего, кроме музыки, он может отказаться почти безболезненно для себя. Говорили мне, что Александр Степанович написал диссертацию по своей профес-

сии химика. Но когда узнал, что для защиты нужны, кроме изложенного в ней, какие-то иные средства продвижения, забросил уже напечатанную и переплетенную работу и никогда к ней больше не возвращался.

Отец, мать и сын Дмитрий Хворостовские

Однажды я позвонила Хворостовским и узнала, что Александр Степанович болен. На улице было темно и промозгло, а у них дома меня встретила идиллия уюта и семейного тепла. Пока хозяйка дома готовила ужин, мы с Александром Степановичем сидели в гостиной и слушали музыку, за окном завывала непогода, а в доме Хворостовских какой-то божественный голос пел о любви. И время как будто бы остановилось, унеся прочь печали и невзгоды...

А первой, с кем два года назад свела меня судьба в семье Хворостовских, была Людмила Петровна, мать знаменитого певца. Привел меня к ней материал о сольном концерте ее мужа. Заметка была готова, а

фотографии никакой у нас не оказалось. Набрав номер их телефона, я с волнением ждала разрешения на этот визит. Мы договорились встретиться буквально на пять минут, потому что обе спешили по делам. А проговорили почти пять часов.

Я боялась пошелохнуться, кожей чувствуя, что если вдруг возьму ручку или включу диктофон, то разговор прекратится и возникшая между нами внезапно человеческая симпатия и открытость пожухнут, охлажденные моей профессиональной корыстью. Да признаться, не хотелось разрушать ход беседы, который трудно подвергнуть анализу, если стержнем в нем становится сердечный интерес.

А мне было интересно все. Любой факт, любая деталь семейного портрета Хворостовских казались необычайно увлекательными и проливали свет не только на рождение таланта

Дмитрия, но и давали возможность ощутить дыхание времени, в котором жили и живут и они, и все мы, соединенные вместе и одним городом, и одной страной, и тем, что пришлось пережить каждому из нас в этом мире и на этой земле.

У нее редкостного цвета глаза — зеленые. Когда она чем-то увлечена, в них зажигаются светящиеся искорки. “Когда бы я ни встретила Хворостовских вместе, — рассказывала мне концертмейстер Александра Степановича Галина Викторовна Виктор, — всегда они о чем-то оживленно беседуют. И у нее всегда сияющие глаза”.

Небольшого роста, хрупкая, изящная, она производит впечатление нежного создания, которому только слушать музыку и меч-

тать о прекрасном. И уж никак не подумаешь, что Людмила Петровна все — буквально все! — делает дома сама. Варит вкусный обед, стряпает, чинит, стирает, подстригает своих мужчин, делает ремонт. Может раскроить и сшить любую вещь, включая даже пальто. Кстати, в детстве Дима часто носил пальтишки и куртки, сшитые руками своей мамы. А в квартире у них красота и чистота идеальные. В ответ на мое удивление Людмила Петровна только поднимает брови: “Да это любой человек может сделать. Надо просто захотеть и все”.

В минуты радости, счастливого озарения, когда природный артистизм вдруг берет верх над “рацио”, ее трудно узнать. Я почувствовала это во время первого же разговора с Людмилой Петровной, когда она мимоходом обмолвилась о студенческих вечерах и вся расцвела, вспомнив о концертах, что могли целиком провести вместе с ней ее трое друзей. Они и пели, и читали стихи, и играли на инструментах.

Мне рассказывали ее знакомые, что Людмила была необычайно популярна в школе и в институте. От ее некоторых шуток, розыгрышей и мистификаций невольные зрители покатывались со смеху. Она же умела сохранять серьезность до самого конца задуманной ею и ее друзьями импровизированной сцены, разыгранной где-нибудь на улице или в автобусе.

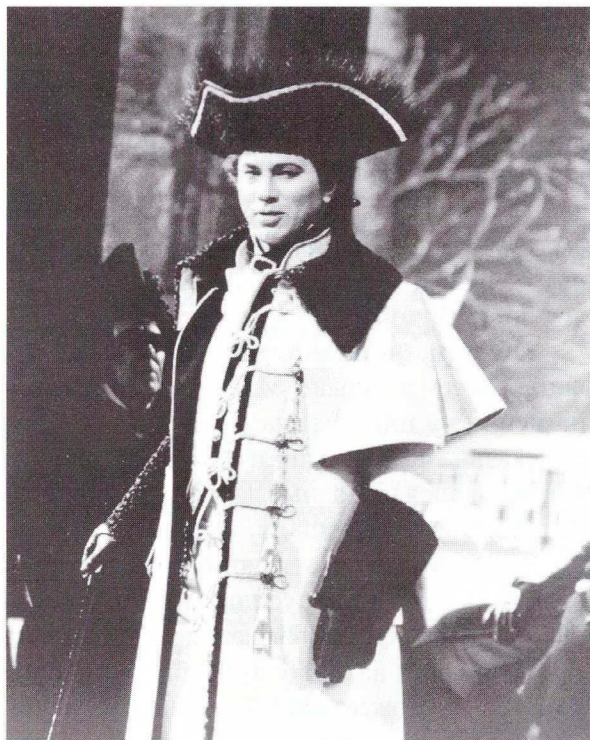
На одном из объединенных институтских смотров художественной самодеятельности они и встретились — будущие инженер и врач. Он играл Революционный этюд Шопена, она пела в ансамбле девушек-медичек. С тех пор у Людмилы была интереснейшая, любимая работа и семья. Но мне кажется, что со временем семья стала для нее главным смыслом жизни. Именно к ней, к этой хрупкой женщине, припадают в критические ми-

нуты ее мужчины, спасаясь в ее нежности и любви от всяческих житейских невзгод.

...В их доме все пронизано музыкой и наполнено любовью к сыну. Дима смотрит буквально со всех стен. Вот он на рекламном снимке или афише, а здесь — с Паваротти, там висят его портреты, написанные его мамой и кем-то из его поклонников, а неподалеку, в серванте, его фотография вместе с родителями. Всюду его глаза, его улыбка и его голос, который знает весь мир. Дима часто посылает родителям свои аудио- и видеозаписи, что дарят ему почитатели его таланта. Среди них есть и такие, кто путешествует за ним в разные города и даже страны и бывает почти на всех его концертах. Первая запись, что я посмотрела в доме Хворостовских, была с того знаменитого конкурса Би-Би-Си, где Дима получил Гран-при и его назвали лучшим баритоном мира. Потрясающе интересно было наблюдать всю эту конкурсную борьбу, слушать замечательные голоса и видеть Диму, нет — Дмитрия Хворостовского, стройного, красивого и непреклонного, готового отстаивать себя в великом певческом искусстве. Он стоял, как боец накануне битвы, и пел. И как пел! Во время просмотра я бросила взгляд на отца — в его глазах были слезы.

А запись шла дальше, к наградам, о которых еще ничего не было известно конкурсантам. Вот объявляют третью премию, вторую и... **ПЕРВАЯ ПРЕМИЯ — ДМИТРИЙ ХВОРОСТОВСКИЙ!** А на секунду раньше этой фразы оператор сумел выхватить за кулисами его лицо и миг, когда Дима услышал свою фамилию. Не могу забыть той радости, что по-детски откровенно выплеснулась наружу. И он рванулся вперед, на сцену. И кадр этот хотелось повторять бесконечно.

— В детстве он был изумительным маль-

чиком — хорошеньким, нежным и невероятным чистюлей. Сердце порой замирало, когда я на него смотрела, — признается Людмила Петровна. — Вдруг однажды, еще в первом классе, приходит домой весь чумазый, с одежды течет грязь, и говорит, что его побили.

— Как это ты позволил, чтобы тебя били? — спросил отец.

— А что надо было делать?

— Давать сдачи.

— А как давать сдачи?

Отец показал, хотя сам в жизни никогда не дрался. А тут еще мама подлила масла в огонь, сказав сыну, что самое противное, когда жалуются и на кого-то доносят.

— Дима плачет, — рассказывает Людмила Петровна, — а отец говорит: “И не плачь здесь. Ты мужик или кто?” Потом он уже умытый сидит на стуле и весь содрогается.

— Ты чего? — спрашивает мама.

— Я борюсь.

— С кем ты борешься?

— С собой, чтобы не плакать...

Они жили на правом берегу, сначала на КрасГЭЦ, а потом на улице Павлова. В 94-й школе, где учился Дима, его вечно наказывали за драки. Он сносил все молча, не жалуясь. И лишь спустя много лет проговорился матери, как было дело. А было, как обычно бывает в детских коллективах: кто-то всегда действует исподтишка, дергает, обзывает. Дима этого не умел. Он вставал в полный рост на уроке и начинал колошматить обидчика. Ему учителя кричат: “Хворостовский! Ты что дерешься! Это что такое!” А он отвечал, как его научили дома: “Я не дерусь, я сдачи даю”.

Его учительница Анастасия Алексеевна Иванова, которая вела их класс с первого по восьмой, человек удивительной, редкой души, понимала детей, умела терпеливо сносить их шалости, знала и чувствовала, что многие проступки совершают они не со зла, а от избытка энергии, которая порой не туда выливается, куда хотелось бы взрослым. Когда Людмила Петровна приходила возмущенная очередным “подвигом” сына, она говорила ей: “Не волнуйтесь, будьте терпеливы, не может вырасти из вашего Димы ничего плохого. Он обязательно будет хорошим человеком. Вы еще меня вспомните!” Она его отличала из всех и очень любила. “Вот хожу по классу, говорю урок и всюду чувствую и вижу эти два черненьких огонька, которые за мной следят. У вашего Димы совершенно потрясающие глаза. Они как угольки жгут”.

Диме было 6 лет, когда он пошел в школу, и шестнадцать, когда ее закончил. Куда поступать, он не знал. Взяли документы и вышли с мамой из дома. Решили так: если подойдет 27-й автобус, отдают документы в мединститут, если 55-й — в институт ис-

кусств. Подошел 55-й. Институт искусств в ту пору располагался на проспекте Мира. Приходят, а там заканчиваются приемные экзамены. Тут кто-то из комиссии увидел красивого стройного мальчика, решили, что он на дирижерско-хоровое, потащили на второй этаж. Но с огорчением вернулись обратно. Оказалось, что туда берут со средним специальным образованием, а у Димы была только музыкальная школа. Посоветовали: “Вам нужно закончить сначала училище. Есть у нас в городе два с музыкальным уклоном — училище искусств и педагогическое имени Горького”.

В педучилище работал педагог по вокалу Медведев, у которого в свое время занимался Александр Степанович. Знаком ему был и педагог училища, известный в крае дирижер-хоровик Николай Тычинский. Туда он и повез сына.

— И ты своего охламона к нам привел! — воскликнул Тычинский, едва увидев Хворостовских у входа. Но проэкзаменовал Диму и попросил его спеть что-нибудь для комиссии. Каково же было удивление собравшихся, когда “охламон” вместо обычной эстрадной песни исполнил “Утро туманное” — любимый романс своих родителей, который пели обычно в домашних компаниях.

— Ну, что ты этот белогвардейский романс поешь? Другого не знаешь? — попенял ему Тычинский. А Дима так растерялся тогда перед комиссией, что ничего другого просто вспомнить не мог. Но поскольку ритм у него был чудесный, слух идеальный, да и голос неплохой, то его, конечно же, приняли с удовольствием, чему был несказанно рад Александр Хворостовский, надеющийся отвести юного певца от рок-музыки и задавленного горлового пения, распространенного в то время в ВИА.

Любопытный факт: Дима выступал тог-

да уже с какой-то группой ребят-музыкантов, и в одном из номеров “Красноярского рабочего” было особо отмечено пение солиста Димы Хворостовского. Вряд ли автор заметки мог представить, что пишет о будущей звезде мировой величины. Но факт остается фактом. Имя Дмитрия Хворостовского впервые появилось на страницах газеты “Красноярский рабочий”.

Кстати, он во многом был не менее талантлив, чем в музыке. Мальчишкой без конца лепил из пластилина. Причем фантазия подсказывала ему один и тот же сюжет, что варьировался на разные лады, — великолепные норовистые лошади, мустанги-иноходцы. Иногда вместе с всадниками, которым стоило невероятных усилий не быть сброшенными на землю. Александр Степанович сфотографировал работы сына и показал кому-то в художественной школе. Но, не почувствовав интереса, больше туда не обращался. Я с волнением рассматривала эти снимки отроческих Диминых работ. Они о многом говорят, и прежде всего о поразительном его характере.

С тех пор, как Дима стал петь, и петь серьезно, все остальное для него перестало существовать. Это было как болезнь, которой заболевают все вокалисты. И помог ему в этом сначала папа, научивший всему, что знал и умел сам, потом, в училище, Галина Алексеевна Астанина сумела перевести все его интересы и самолюбивые притязания в одну сферу — служения классическому пению.

Уже позднее будет институт искусств, оттачивание мастерства, работа в труппе Красноярского оперного театра, конкурсы, поездки, контракты... Однажды он скажет своей бесконечно любимой, обожаемой маме: “Не хочу вспоминать детство, оно у меня было ужасным”. На что Людмила Пет-

ровна с болью ответит: “Димочка, ты бьешь в самое сердце”. А он имел в виду свою вторую жизнь, которая проходила за пределами семьи и о которой семья эта ничего никогда не знала. Но скрытность скорее всего шла из желания уберечь любимых людей от тревог и волнений. С рождения существуя в атмосфере глубокого чувства отца и матери друг к другу, к их родителям, к нему, Дима естественным считает заботу о своих близких

прежде всякой другой. Где бы он ни находился, обязательно напишет, пришлет телеграмму, приедет хоть ненадолго в отчий дом, всех задарит, обласкает, поможет во всем.

А я все время думаю, почему ему без конца приходилось так яростно отстаивать себя? “Я дрался не на жизнь, а на смерть. Всю жизнь, все детство мне приходилось отбиваться”, — скажет он, став взрослым.

Если порыться в памяти, то вроде бы

ничего особенного. Все мы в детстве дрались, кто-то больше, кто-то меньше. Ну, наверное, лучшим из нас приходилось все-таки хуже, чем остальным. Ну как тут не вспомнить фразу Джека Лондона: “Они ненавидели его только потому, что он был другой породы”. Но, может быть, была в этом и своя польза: он готов был к любым испытаниям? А может, что-то и ушло от него или спряталось глубоко-глубоко от посторонних глаз...

— Скажите, — спросила я как-то у Людмилы Петровны, — бывает ли Дима хоть иногда таким, каким был в детстве, когда у вас замирало сердце от любви к нему?

— Очень-очень редко. Чаще всего, когда мы остаемся вдвоем, вдруг промелькнет в нем какое-то щенячье выражение, и я вижу прежнего Диму. На короткий миг. А потом он снова становится тем, кто он есть сегодня...

Сегодня он певец, известный всему миру, которому очень нелегко, но эта сторона сокрыта от восторженной публики.

Многие из тех, кто знает Хворостовских — и отца и сына, — утверждают, что лишь Дмитрий сумел полностью реализовать свои возможности, Александр Степанович, увы, так до конца и не раскрылся, хотя большим талантом был обречен на мировую славу. Да и сам Александр Степанович слишком критически относится к себе.

Мне жаль другого: что не так много

людей услышало его голос — на заводской сцене, на профессиональной: в Малом и органном залах, в культурно-историческом центре, в оперном и пушкинском театрах, в Италии, где он выступал дважды с оркестром Михаила Бенюмова. Но тот, кто все-таки услышал, был счастлив.

Однажды перевозили кого-то из друзей на другую квартиру. Вынесли вещи, а машины все нет и нет. На тротуаре, среди опадающей яркой листвы стоит пианино, а день солнечный, а осень кругом золотая! И вдруг неожиданная просьба: “Саша! Сядь за инструмент!” И он сел. И ударил по клавишам. И запел чудную украинскую песню “Ой ты, дивчина”. Что это было? Всплеск откровения, удаль, душа вразнос! И как повыскакивал народ отовсюду! Какой восторг был на лицах!

Я думаю, что, не будь этого удивительного певца Александра Хворостовского, не было бы артиста и певца Дмитрия Хворостовского. И верю, что у Хворостовского-старшего наступила осень его творческой жизни — яркая, золотая.

Много лет назад я спрашивала Александра Хворостовского: “В чем счастье?” Не помню, что он сказал мне тогда, и теперь не задаю ему этот вопрос. Мне кажется, я знаю ответ на него...

Наталья Савватеева

